

Концептуализация «заговора молчания» как аспект исследования социальных рисков

Ирина А. Крайнова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, irakrainova@yandex.ru*

Аннотация. Предпринимается попытка реализовать «поворот к материальному» в анализе социальных практик и порождаемых ими социальных рисков. Данная установка демонстрирует отказ от использования классического субъект-объектного рассмотрения проблемы. Вместо этого предлагается объектно-центричный подход, согласно которому объект включает в себя, в том числе, функцию актора социального взаимодействия, которая традиционно приписывалась исключительно субъекту.

Применяемая в статье методология объектно-центричного подхода позволяет по-новому развернуть анализ концепта «заговор молчания» (Э. Зерубавель) – в сторону его коммуникативного воспроизводства. Автор шаг за шагом прослеживает процесс конструирования коммуникативных актов, образующих своего рода множественную онтологию «заговора молчания» вокруг тех или иных событий. Так, исследуя социальный и политический аспекты, автор в статье осуществляет фокусировку на двух тенденциях, а именно на том, как «заговоры молчания», во-первых, могут создавать коммуникативные условия солидарности сообществ и, во-вторых, как они провоцируют социальные риски.

В ходе аргументации отстаивается позиция, согласно которой онтология объекта не дана заранее в порядке вещей, а воспроизводится во множестве социоматериальных практик. В качестве значимой иллюстрации такой позиции приводятся практики концептуализации множественных онтологий тела и болезни, реализуемые в исследовании А. Мол, а также символические практики координации повседневности (Т. Пинч).

Ключевые слова: «заговор молчания», коммуникация, риск, поворот к материальному, множественная онтология

Для цитирования: Крайнова И.А. Концептуализация «заговора молчания» как аспект исследования социальных рисков // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 2. С. 35-45. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-35-45

Conceptualization of the “conspiracy of silence” as an aspect of the investigation of social risks

Irina A. Kraynova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
irakrainova@yandex.ru*

Abstract. The author of the article attempts to implement a “turn to the material” in the analysis of social practices and social risks they generate. Such an approach demonstrates the rejection of the classical subject-object consideration of the issue. Instead, an object-centric approach is proposed, according to which the object comes with the function of an actor in social interaction, which has traditionally been attributed to the subject.

The methodology of the object-centric approach used in the article makes it possible to expand in a new way the analysis of the concept of “conspiracy of silence” (E. Zerubavel) – towards its communicative reproduction.

The author follows step by step the process of constructing communicative acts that form a kind of multiple ontology of a “conspiracy of silence” around certain events. Thus, exploring the social and political aspects, the article focuses on two trends, say: the “conspiracies of silence”, firstly, can create communicative conditions of the communities solidarity and, secondly, they can create the social risks.

The author defends the position that the ontology of the object is not given in the order of things, but it is reproduced in the variety of socio-material practices. As a significant illustration of such position, the author uses the practices of conceptualizing multiple ontologies of the body and the diseases which are negotiated in the investigation of A. Mol, and the symbolic practices of the everyday life coordination (T. Pinch).

Keywords: «conspiracy of silence», communication, risk, turning to the material, multiple ontology

For citation: Kraynova IA. Conceptualization of the “conspiracy of silence” as an aspect of the investigation of social risks. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Arts Studies” Series.* 2019;2:35-45. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-35-45

Введение

Идея сопряженности социальности и объектов существенно преобразует словарь социальной теории. Призыв исследовать социальные взаимодействия объектов указывает на неопределенность основного понятия антропологии – «человека». Отказ от онтологизации приоткрывает возможности применения конс-

труктивистской методологии в анализе «человека». Интересным представляется подход Д. Харувей, которая утверждает, что объектом современной антропологии является «киборг». Это существо, сконструированное тремя типами сопряжений: человек – природа, человек – техника, человек – культура [1 с. 9–10]. Метафора киборга показывает, что нет отдельно природного, технического объекта или культурной идеи. «Киборг есть род разобранной и снова собранной постсовременной коллективной и личной самости» [1 с. 9]. Новые технологии открывают новые способы взаимодействия, они проникают в тело, которое мыслится как гибридное, биотехнологическое. Киборг лишен пола и гендера, его действия не управляются путем подчинения, а выстраиваются как подсоединения к сети социальных взаимодействий.

Б. Латур демонстрирует тенденцию гибридизации через проект симметричной антропологии [2]. Человек в своих повседневных взаимодействиях связан с объектами: они фреймируют социальное пространство, создают условия для осуществления коммуникации. Латур показывает, что термин «антропоморфный» может фиксироваться в двух приближениях: как внешнее подобие человеку; как способность объекта выполнять делегированные ему действия [3]. Второе значение приоткрывает новые свойства социальности: она мыслится не как солидарность субъектных отношений, а как объектно-центричное пространство, где акторы (люди и объекты) действуют в одной плоскости. В интерпретации Латура вещь встраивается в траектории сетей, только когда действует, т.е. состоит в устойчивых отношениях, является объектом-институтом, объектом-проектом или объектом-событием [4, с. 83–112].

Действовать могут не только материальные объекты, но и нематериальные акторы, такие как идеи, теории или уравнения и т. п. Д. Маккензи [5] утверждает, что экономические теории не просто описывают, но и влияют на процессы рынка. Он обращает внимание на уравнение Блэка–Шоулза–Мерттона, прогнозирующее опционное ценообразование. Уравнение показывает, какие решения нужно принять брокерам при управлении опционами, чтобы минимизировать транзакционные издержки [5 с. 75]. К. Кнорр-Цетина и К. Брюгер разворачивают концепт Х.-И. Райненберга «эпистемическая вещь» в сторону анализа сложных саморазвивающихся объектов на примере фондового рынка [6]. В отечественном интеллектуальном пространстве проблема сложности объектов и связанное с ними нарастание социальных рисков получили рефлексию в разработке аутопойезиса «эпистемических вещей» [7–9].

Между тем, принимая во внимание данные подходы, вызывают интерес не столько сами объекты, но, в большей степени, представления об объектах, раскрываемые в ходе социальных

практик. Используя методологические приемы объектно-ориентированных подходов, мы стремимся проследить, как конструируется и воспроизводится коммуникация вокруг «заговоров молчания». Под «заговором молчания» мы понимаем дискурс вокруг игнорируемых или отрицаемых социальных феноменов, способных координировать деятельность социальных групп. В лингвистических подходах молчание анализируется как антитеза коммуникации, мы же обратимся к молчанию как к социальному объекту, решая при этом задачу: обнаружить и проследить практики реализации «заговоров молчания» в повседневных коммуникациях.

«Заговор молчания» как социальная практика

Н. Луман в теории социальных систем использует понятие «немаркированное пространство» как указание на «слепое пятно», которое присутствует в каждом различении наблюдателя. «Слепые пятна» позволяют коммуникации состояться, оставляя наблюдателя немаркированным. Тем не менее немаркированное пространство «можно сдвинуть, когда находятся наблюдатели, наблюдающие за наблюдением» [10 с. 552]. Так, социальная критика маркирует нечто как угрозу, например экологические проблемы, оставаясь при этом ненаблюдаемой, до тех пор, пока наблюдатель второго порядка не укажет на нее. Вопрос социальной теории «что происходит?» дополняется вопросом «что за этим кроется?». Если нечто маркируется как экологический кризис, значит, есть экспертное сообщество, которое создает это различие. Немаркированное часто обозначается как латентное (например, по Р. Мертону социальным системам свойственны помимо явных латентные функции). Луман призывает мыслить латентность как контингентность: «...она всегда возможна и по-другому, и можно знать, от чего это зависит, т. е. можно знать не то, как этого избежать, а то, как этим управлять» [11 с. 115]. В тексте Э. Зерубавеля немаркированное пространство получает интересную концептуализацию, будучи проанализировано через концепт «заговор молчания».

Зерубавель заметил, что риски для сообщества могут накапливаться не столько в коммуникации, сколько в «заговорах молчания». В исследовании «Слон в комнате. Молчание и отрицание в повседневной жизни» исследователь обращается к социальным последствиям «заговоров молчания». Название работы отсылает к идиоме «слон в комнате», которая указывает на известные всем факты, существование которых сообщество сознательно отрицает. «Заговор молчания» конструируется вокруг открытых секретов и реализуется как мета-молчание: нам «запрещено говорить о том,

что нам запрещено говорить» [12 с. 53]. Зерубавель метафорически именуется молчание и его отрицание «слоном», который становится объектом «заговора», поскольку за ним стоит определенное социальное табу. Анализируя историю о голом короле, пересказанную Г.Х. Андерсеном в сказке «Новое платье короля», Зерубавель показывает социальный и политический контекст молчания.

Молчание играет важную роль в достижении солидарности. Термин «социальное» возникает как эквивалент «социального порядка» и противопоставлен естественному состоянию еще в политической философии Т. Гоббса. В процессе социализации субъект усваивает социальные нормы и приобретает навыки игнорирования социальных фактов. Участие в общественных взаимодействиях предполагает согласие с практиками игнорирования. В сказке «молчание» прерывает ребенок, как член сообщества, который еще не социализирован, т. е. еще не обучен практикам игнорирования: «он не проявляет абсолютно никакого беспокойства за чувства короля, а также за чувство собственного достоинства» [12 с. 74].

Большая часть того, что должно игнорироваться, чтобы сохранить солидарность с сообществом, аккумулируется в табу и такте («мягкой» форме табу [12 с. 33]). Нарушение этих норм – выход за границу социального, противопоставление себя социальному порядку, что, к примеру, в некоторых традиционных обществах карается остракизмом. Внешние ограничения табуированных практик всегда дополняются внутренним отношением субъекта. Так отдельный представитель маори, описанный М. Моссом, умирает от «смертного греха» [13 с. 288], подчиняя свое физическое коллективному.

Социализация управляет и психологическими феноменами, например восприятием субъектом риска. Так, Дж. Холдрен [14] резонно утверждает, что субъект регистрирует реальную для себя степень опасности, используя так называемую пирамиду рисков (подобную пирамиде А. Маслоу). Индикатором поведения субъекта в кризисных ситуациях является место тех или иных угроз на ступенях пирамиды. Сообщество управляет восприятием субъекта, опираясь на «типичный портфель» рисков [15], который содержит сценарии возможных для него опасностей. Поэтому одни опасности маркируются, другие – игнорируются.

Практики игнорирования создают специфичный способ «видения»: «мы гораздо более склонны замечать у кого-нибудь жвачку в церкви, чем в метро» [12 с. 25]. Возможность контролировать внимание людей делает «заговор молчания» политическим инструментом. Власть, помимо того, что обладает большим диапазоном «видения», может контролировать сферу внимания других. Так, СМИ определяют, как долго общественное внимание должно обсуждать конкрет-

ную новость. «Новое платье короля» – это политическая история. Ткачи заставляют любого игнорировать отсутствие платья, придав ткани свойство быть невидимой для тех, кто не является частью данного сообщества или «неумолимо глуп» [12 с. 45]. Король «видит» платье, поскольку невидимость платья становится угрозой для легитимации его власти и ставит под сомнение способность короля контролировать реальность.

Вне зависимости от причины образования «заговоры молчания» предполагают большую согласованность, чем речевая коммуникация.

Нужен только один, чтобы произнести речь, но необходимо сотрудничество всех, чтобы произвести молчание. <...> Только тогда, когда пресловутый слон в комнате совместно избегается всеми окружающими, мы на самом деле имеем дело с «заговором молчания» [12 с. 47].

Чем ближе субъект находится к источнику «заговора», тем менее желает, чтобы «заговор» был раскрыт. Хотя никто из приближенных к королю лиц не может реально видеть несуществующую ткань, все хвалят платье, чтобы защитить свою репутацию. «Их совершенно неискреннее свидетельство, в свою очередь, приводит короля к выводу, что он должно быть единственный, кто не может видеть» [12 с. 57]. Поэтому не приближенные короля, а толпа начинает разоблачение «заговора».

Чем больше участников «заговора», тем более хрупким он становится: «молчание растет как рак», писал П. Саймон [12 с. 58]. Парадоксальным образом «наша сильная потребность отрицать определенные вещи, часто уравнивается нашим столь же сильным желанием разоблачить их» [12 с. 62]. Если хотя бы один прекратит его отрицать – «заговор» будет разрушен. Поэтому, чем ближе субъект к источнику «заговора» молчания, тем большую солидарность он будет проявлять, создавая условия для сохранения «заговора». «Молчание» сохраняется еще и потому, что группа маркирует несолидарных как предателей (так как они указывают на то, что некоторые факты были специально проигнорированы).

От «заговоров молчания» сложно отказаться еще и потому, что они могут становиться основой нарратива сообщества, тогда как отказ нарушает сложившиеся сценарии социальных практик. «Королевству, в конце концов, нужен король, пусть даже голый» [12 с. 63].

Зерубавель утверждает, что долговременные последствия «заговора» могут быть опаснее, чем краткосрочные преимущества. Одна из проблем – искажение чувства реальности из-за неподтвержденного личного опыта, возникающего потому, что человек вынужден маркировать свой опыт как воображение слона в комнате. Искажения всегда превышают объем осознанного, как результат, субъекты

не могут объективно познавать окружающую их среду, а эпистемологическая сложность, с которой сталкивается субъект, дополняется сложностью экзистенциальной [16 с. 32].

Помимо этого, коллективные «заговоры» становятся серьезным препятствием на пути преодоления угроз и кризисов. Так, СПИД получил возможность беспрепятственно распространяться, пока его опасность не была предана огласке. «Заговор молчания» вокруг опасных болезней «делает инфекцию еще более смертоносной» [12 с. 36].

«Заговор молчания» в медицинской практике

В истории медицины известно много случаев табуирования болезни. Так, С. Сонтаг показывает, что в разные периоды истории болезни, приравненные к смерти, были сегрегированы так, что это оказывало влияние на повседневную коммуникацию.

В Армансе Стендаля (1827) мать героя отказывается произносить слово «туберкулез» из страха, что одно это слово ускорит течение болезни ее сына. А Карл Меннингер... отмечал, что само слово «рак», согласно распространенному мнению, убило нескольких пациентов, которые бы не поддались болезни, от которой страдали (так скоро) [17 с. 9].

Тот же доктор Меннингер, указывает Сонтаг, рекомендовал коллегам не использовать имена пациентов, чтобы не ранить их чувства и не вешать «ярлыки».

Эти практики демонизируют болезнь. Туберкулез, а затем и рак воспринимался не как проблема, которую надо лечить, а как монстр, который «равносителен смертному приговору... болезнь было принято скрывать от чахоточных, а по их кончине, от их детей» [17 с. 9]. Демонизация болезни заставляет больного умалчивать патологии своего тела, потому что патология делает его «ненормальным» членом общества. Такое метафорическое усложнение становится препятствием для избавления от болезни.

Кроме того, недостаток практик точной диагностики провоцировал образное маркирование заболеваний. «Туберкулез романтизировал смерть» [17], а чахоточная бледность как будто выдавала интеллектуалов. Рак, в отличие от туберкулеза, не воспринимается романтизированно, он маркируется трагически – чужеродное вторжение в тело, не оставляющее шансов на жизнь. СПИД воспринимался как наказание, которому подвергается тело за нарушение общественных норм. Приобретенный иммунодефицит маркирует больного как человека, «по делам его» заслуживающего изоляции,

остракизма и стигмы. Все это может служить демонстрацией «заговоров молчания» вокруг тех или иных болезней.

Условия объективации болезней также создаются «политикой сообществ». Так, исследуя практику диагностики и лечения атеросклероза в одной из нидерландских клиник, А. Мол формулирует понятие «множественности онтологий» заболевания. «Онтология не дана в порядке вещей, – пишет она, – онтологии возникают, воспроизводятся и исчезают в обычных повседневных социоматериальных практиках» [18 с. 32]. Различные способы диагностики не фиксируют наличие или отсутствие недуга, а в каждом конкретном случае осуществляют его «сборку». Так, более дорогой и новый метод диагностики – ангиография – в больнице N наделяется большей властью по сравнению с иным методом – дуплексом. Если ангиография показывает наличие атеросклероза, а дуплекс нет – болезнь признается диагностированной. Но другой госпиталь может подчинять диагностику иной логике. В этом смысле, замечает Мол, нет единого объекта, болезнь множественна, она каждый раз заново конструируется. Различные способы координации «видения» позволяют болезни быть или не быть на снимках, в медицинских карточках или публичном пространстве.

Политика молчания

Принципы координации зависят от политики, принятой сообществом. Способность политики сообщества контролировать восприятие субъектов убедительно показывают и символические практики.

Так, невидимая стена – эрув – упрощает религиозные практики тех, для кого они в прежнем режиме невозможны. «Эрув огораживает пространство посредством ряда символических ворот (подобным воротам в храм) и разрешает смешение общественной и частной жизни внутри пространства» [19 с. 353]. Т. Пинч обращает внимание на практику согласования с администрацией строительства невидимых стен вокруг города. В истории Пинча эрув планируют поместить в уже существующую структуру электрических столбов и проводов, так он будет «видимым» для отдельной категории людей: «два разных смысла проводов и столбов могли сосуществовать друг с другом» [19 с. 357]. Нематериальный объект оказывается сборкой из сети взаимодействий материальных акторов: раввина, администрации города, инженеров, инструментов, расчетов, верующих и т. п. При этом «способность эрува влиять на жизнь людей зависит от того, в какого бога они верят и верят ли вообще» [19 с. 360].

В гендерных исследованиях примером подобной маркировки социального пространства является феномен «стеклянного потоло-

ка». Постепенный отказ от игнорирования факта существования экономической дискриминации женщин и акцентирование внимания на эту практику со стороны феминистских движений 80-х годов XX в. породили изменения гендерных соотношений в сфере труда.

Заключение

«Поворот к материальному» в теоретической социологии актуализирует множество проблем, порожденных наивной онтологизацией социальных практик. Под влиянием «поворота» переопределяются понятия, которые, прежде казалось, нашли свое твердое основание в тезаурусе социальных наук: социальное действие, предмет, граница, субъект, объект, актор и др. Между тем наделение объекта функцией актора социального взаимодействия позволило, на наш взгляд, приобрести дополнительные возможности в осмыслении «сборки» и «множественности онтологий» социальных практик.

Подход, реализуемый в настоящей статье, сближает социологический анализ с той новой постановкой вопроса, которую продемонстрировал Н. Луман. Немецкий социолог еще в 70–80-х годах пришел к твердому убеждению, согласно которому вопрос о социальном действии «что происходит?» трансформируется в исследовательскую задачу «что за этим кроется?» [11]. Тем не менее интерес современных исследователей не фокусируется исключительно вокруг латентных функций объектов. Онтология объектов представляется множественной, она не дана в порядке вещей, а конструируется и «собирается» в социоматериальных практиках. Все латентные функции объекта мыслятся как контингентные (т. е. могут быть и иными). Такая оптика позволила обстоятельнее показать роль «заговоров молчания» в повседневных коммуникациях.

Исследование социальных и политических аспектов позволило высветить два направления коммуникативной сборки «заговора молчания». Одно направление объективирует условия для солидарности того или иного сообщества, погруженного в «заговор», другое – объективирует социальные риски. Таким образом, множественность объективации социальных объектов, продемонстрированную на примере «заговора молчания», можно считать очередным шагом в разработке современных подходов к исследованию феноменов, порождаемых повседневной коммуникацией в обществе.

Литература

1. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 128 с.

2. *Латур Б.* Нового времени не было: Эссе по симметричной антропологии. М.: Изд-во Европейского ун-та, 2006. 296 с.
3. *Латур Б.* Об интеробъективности // Социология вещей: Сб. ст. М.: Территория будущего, 2006. С. 169–199.
4. *Ерофеева М.* Акторно-сетевая теория: объектно-ориентированная социология без объектов? // Логос. 2017. № 3. С. 83–112.
5. *MacKenzie D.* Is economics performative? Option theory and the construction of derivatives markets // Do economists make markets? / Ed. by D. MacKenzie, F. Muniesa, L. Siu. Princeton: Princeton University Press, 2007. P. 54–86.
6. *Кнорр-Цетина К., Брюггер. У.* Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Социология вещей. М.: Территория будущего, 2006. С. 307–341.
7. *Ивахненко Е.Н.* Социология встречается со сложностью // Вестник РГГУ. Серия «Философские науки. Религиоведение». 2013. № 11. С. 90–101.
8. *Орлов Д.Е., Орлова Н.А.* Аутопойезис техносоциальных систем как фактор разрастания социальных рисков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2015. Т. 15. № 2. С. 59–68.
9. *Дмитриев И.Б.* Аспекты схождения взглядов Рорти и Лумана в перспективе преодоления старой интеллектуальной традиции // Вестник РГГУ. Серия «Философские науки. Религиоведение». 2014. № 10. С. 106–112.
10. *Луман Н.* Общество общества. Ч. 5: Самоописания. М.: Логос, 2011. 640 с.
11. *Луман Н.* «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 3. С. 100–101.
12. *Zerubavel E.* The elephant in the room: Silence and denial in everyday life. Oxford University Press, 2007. 176 p.
13. *Вилдавски А., Дейк К.* Теория восприятия риска: Кто боится, чего и почему? // Thesis. 1994. № 5. С. 268–276.
14. *Douglas M., Wildavsky A.* Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers. Berkeley: University of California Press, 1982. 292 p.
15. *Мосс М.* Физическое воздействие на индивида коллективно внушенной мысли о смерти // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996. С. 223–241.
16. *Дзоло Д.* Демократия и сложность. М.: Высшая школа экономики, 2010. 320 с.
17. *Сонтаг С.* Болезнь как метафора. М.: АдМаргинем Пресс, 2016. 176 с.
18. *Мол А.* Множественное тело: Онтология в медицинской практике. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 254 с.
19. *Пинч Т.* Укрощение нечеловеков // Онтология артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира / Под ред. О.В. Столяровой. М.: Дело, 2012. С. 352–374.

References

1. Haraway D. The Cyborgs Manifest. Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s. Moscow: Ad Marginem Press, 2017. 128 p. (In Russ.)
2. Latour B. *There was no New Time. Essay on Symmetric Anthropology.* Moscow: European University Publ.; 2006. 296 p. (In Russ.)

3. Latour B. About interobjectivity. *Sotsiologiya veshchei*. Moscow: Territoriya budushchego Publ.; 2006. P. 169-99. (In Russ.)
4. Erofeeva M. Actor-network theory. An object-oriented sociology without objects? *Logos*. 2017;3:83-112. (In Russ.)
5. MacKenzie D. Is economics performative? Option theory and the construction of derivatives markets. *Do economists make markets?* Ed. by D. MacKenzie, F. Muniesa, L. Siu. Princeton: Princeton University Press, 2007. P. 54-86.
6. Knorr-Cetina K., Brygger. U. The market as an object of affection. A study of postsocial relations in financial markets. *Sociology of things*. Moscow: Territoriya budushchego Publ.; 2006. P. 307-41. (In Russ.)
7. Ivahnenko E.N. Sociology meets complexity. *RSUH / RGGU Bulletin. Series "Philosophy. Religion studies"*. 2013;1:90-101. (In Russ.)
8. Orlov D.E., Orlova N.A. Autopoiesis of techno-social systems as the factor in the growth of social risks. *RUDN journal of sociology*. 2015;15(2):59-68. (In Russ.)
9. Dmitriev I.B. Aspects of conjunction of views of Rorty and Luhmann in the prospect of overcoming the old intellectual tradition. *RSUH/ RGGU Bulletin. Series "Philosophy. Religion studies"*. 2014;10:106-12. (In Russ.)
10. Luhman N. The Society of society (Theory of Society). Part. 5: Samoopisaniya. Moscow: Logos Publ.; 2011. 640 p. (In Russ.)
11. Luman N. "What is happening?" and "What's at the back of it?" Two sociologies and the theory of society. *Russian sociological review*. 2007;6(3): 100-101. (In Russ.)
12. Zerubavel E. The elephant in the room: Silence and denial in everyday life. Oxford University Press, 2007. 176 p.
13. Vildavski A., Dejk K. Theories of Risk Perception. Who Fears, What and Why? *Thesis*. 1994;5:268-76. (In Russ.)
14. Douglas M., Wildavsky A. Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers. Berkeley: University of California Press, 1982. 292 p.
15. Moss M. The physical impact of the collectively inspired thoughts about death on the individual. *Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noi antropologii*. Moscow: Eastern literature Publ.; 1996. P. 223-41. (In Russ.)
16. Dzolo D. Democracy and complexity. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki Publ.; 2010. 320 p. (In Russ.)
17. Sontag S. Illness as metaphor. Moscow: Ad Marginem Press, 2016. 176 p. (In Russ.)
18. Mol A. Multiple body. Ontology in medical practice. Perm: Gile Press, 2018. 254 p. (In Russ.)
19. Pinch T. Taming the non-human. *Ontology of artifacts*. The interaction of the "natural" and "artificial" components of the vital world. Ed. by O.V. Stoliarova. Moscow: Delo Publ.; 2012. P. 352-74. (In Russ.)

Информация об авторе

Ирина А. Крайнова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; irakrainova@yandex.ru

Information about the author

Irina A. Krainova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; irakrainova@yandex.ru